

НАЙО

МАРШ

*УБИЙСТВО С НАЖИВКОЙ,
ИЛИ ВЕСЫ ФЕМИДЫ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Найо Марш

**Убийство с наживкой,
или Весы Фемиды**

«Издательство АСТ»

1955

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Убийство с наживкой, или Весы Фемиды / Н. Марш —
«Издательство АСТ», 1955 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-181252-2

В маленьком городке, где хватает и скелетов в шкафах, и эксцентричных чудаков, и старушек, напоминающих мисс Марпл, произошло убийство. Имя жертвы — полковник Картаретт, и найден он на берегу реки рядом с легендарной гигантской форелью, которую давно мечтали поймать все местные рыболовы. Но не за это же его убили, в конце концов? Тогда — за что? Инспектор Аллейн начинает задавать вопросы и сразу понимает: лишь немногие тут готовы говорить правду.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-181252-2

© Марш Н., 1955
© Издательство АСТ, 1955

Содержание

Действующие лица	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Найо Марш

Убийство с наживкой, или Весы Феиды

Серия «Эксклюзивная классика»

Ngaio Marsh
SCALES OF JUSTICE

Печатается с разрешения Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Ngaio Marsh Ltd., 1955

© Перевод. В. Антонов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Посвящается Стелле

Действующие лица

Сестра Кеттл.

Мистер Октавиус Данберри-Финн, владелец усадьбы Джейкобс-Коттедж.

Капитан Сайс.

Полковник Картаретт, владелец усадьбы Хаммер-Фарм.

Роуз Картаретт, его дочь.

Китти Картаретт, его жена.

Баронет сэр Гарольд Лакландер, владелец поместья Нанспардон.

Леди Лакландер, его жена.

Джордж Лакландер, его сын.

Доктор Марк Лакландер, сын Джорджа.

Старший инспектор Аллейн из Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда.

Детектив-инспектор Фокс из Департамента уголовного розыска Скотленд-Ярда.

Сержанты уголовной полиции **Бейли** и **Томпсон** из Скотленд-Ярда.

Доктор Кэртис, патологоанатом.

Сержант Олифант из полицейского участка Чайнинга.

Констебль Гриппер из полицейского участка Чайнинга.

Сэр Джеймс Панстон, главный констебль Барфордшира.

Глава 1

Суивнингс

1

Медсестра мисс Кеттл с трудом дотащила свой велосипед до вершины холма Уоттс-Хилл и, переводя дух, бросила взгляд на лежавшую внизу деревушку Суивнингс. Из-за высоких зеленых деревьев выглядывали крыши домов, а из труб кое-где вился дымок, рисуя на ясном небе причудливые перья. Через луга и рощи, ловко огибая опоры двух мостов, несла свои воды извилистая и богатая форелью река Чайн. Удивительная гармония пейзажа не нарушалась ни архитектурой строений, ни участками возделанной земли.

– Ну чем не картинка! – с удовлетворением отметила сестра Кеттл и подумала о не очень удачных попытках леди Лакландер запечатлеть ее в акварели с этого самого места. С высоты холма открывшийся вид напомнил ей развешанные на станциях лондонского метро иллюстрированные карты с изображением домов, деревьев и даже крошечных человечков, занятых обычными повседневными делами. Для полного сходства она мысленно дополнила пейзаж с лугами, изгородями и рекой надписями в витиеватых рамках и дорисовала фигурки людей.

Вниз с холма круто спускалась дорога, которая вела в долину. Склон между долиной и рекой был поделен на три участка, каждый – со своим садом и старинным особняком. Они принадлежали трем главным землевладельцам Суивнингса – мистеру Данберри-Финну, капитану Сайсу и полковнику Картаретту.

Сестра Кеттл решила, что на ее иллюстрированной карте возле Джейкобс-Коттедж обязательно находилась бы фигурка мистера Данберри-Финна в окружении кошек, а у поместья Аплэндс чуть выше по склону – капитана Сайса с неизменным луком и стрелами. В саду поместья Хаммер-Фарм, в котором от некогда бывшей здесь фермы осталось только название, она бы расположила миссис Картаретт в плетеном кресле и смешивающей коктейль, а рядом – ее падчерицу Роуз Картаретт, грациозно склонившуюся над цветами.

Заметив крошечную фигурку на воображаемой карте, она взгляделась повнимательней. Так и есть – по берегу своего участка реки к востоку от Нижнего моста направлялся сам полковник Картаретт, а за ним на почтительном расстоянии следовал его спаниель Скип. На плече полковника висела корзина для рыбы, а в руке он нес спиннинг.

Сообразив, что наступает вечер и полковник снова вышел на охоту за Старушкой, сестра Кеттл мысленно дорисовала на воображаемой карте огромную форель, выглядывающую из воды у Нижнего моста, и поместила рядом надпись «Старушка» в витиеватой рамке.

На другой стороне долины располагалось поместье Нанспардон, и там, на частной площадке для гольфа, сестра Кеттл, любившая посплетничать, расположила бы фигурку мистера Джорджа Лакландера, проходящего лунки в одиночестве и поглядывающего в сторону миссис Лакландер. Его сына – доктора Марка Лакландера – она бы нарисовала с черным саквояжем в руках, а над ним – пролетающего аиста. Для полноты картины, охватывающей всех представителей местной знати, не хватало только фигурок грузной старой леди Лакландер, сидящей на складном стульчике перед мольбертом, и ее мужа сэра Гарольда, прикованного к постели. Чтобы изобразить его в большой спальне, придется, как принято на таких иллюстрированных картах, сделать внушительный проем в крыше.

На карте будет отлично видно, как дорога, уходящая сначала вправо, а потом влево, географически отделяет аристократов от тех, кого сестра Кеттл называла обычными людьми. На западе лежали владения Данберри-Финнов, Сайсов, Картареттов и обширные земли Лаклан-

дерев. Вдоль восточной стороны дороги стояли пять ухоженных коттеджей, крытых соломой, и деревенская лавка, а за Монашьям мостом – церковь, дом приходского священника и гостиница «Мальчишка и осел».

Вот и все! Никаких тебе парковок и закусовых, к которым сестра Кеттл привыкла относиться с презрением, никаких стилизаций под старину и прочих новомодных штучек, которые наверняка только бы испортили столь безукоризненную патриархальность открывавшейся взору картины. Заташив на вершину холма утомленных подъемом знакомых, сестра Кеттл неизменно указывала маленьким пальчиком на долину и с гордостью восклицала: «Здесь все радуется взору!» Правда, эту цитату епископа Калькутты Реджинальда Хебера она не договаривала до конца, ведь епископ-то утверждал, что «радуется все, за исключением людей, ибо человек – сосуд греха». А в Суивнингсе грешников не было.

С довольным видом она села на велосипед и покатила вниз с холма. Замелькали деревья и изгороди, но вскоре дорога выровнялась, и слева появилась живая изгородь Джейкобс-Коттедж. Издалека доносился голос мистера Октавиуса Данберри-Финна, приговаривавшего:

– Божественно! Рыбка!

В ответ раздавалось нетерпеливое мяуканье.

Сестра Кеттл свернула на тропинку и, резко затормозив, неловко сняла ногу с педали и оперлась на нее у ворот во владения мистера Данберри-Финна.

– Добрый вечер, – поздоровалась она и, продолжая сидеть, заглянула сквозь проем, сделанный в густой изгороди. В елизаветинском саду мистер Данберри-Финн, или просто мистер Финн, как он позволял себя называть близким знакомым, кормил кошек. В Суивнингсе его считали эксцентричным чудачком, но сестра Кеттл привыкла к нему и не обращала на его чудачества ни малейшего внимания. На голове мистера Финна красовалась ветхая, шитая бисером и похожая на феску шапочка для курения¹, украшенная кисточкой, на которой сидели очки в дешевой оправе. Завидев сестру Кеттл, он сорвал их и приветственно замахал.

– Вы спустились с неба подобно божеству на хитроумном аппарате, рожденном гением Иниго Джонса². Добрый вечер, сестра Кеттл. Господи, что же случилось с вашим автомобилем?

– Ему делают небольшую косметическую операцию. – При таком легкомысленном ответе мистер Финн недовольно поморщился, но сестра Кеттл, не заметив его реакции, беззаботно продолжила: – А как ваши дела? Вижу, что вы кормите своих кисок.

– Мои домочадцы, как вы заметили, и в самом деле трапезничают, – согласился мистер Финн. – Фатима! – воскликнул он, тяжело опускаясь на корточки. – Роковая женщина! Мисс Мягкие Лапки! Еще кусочек рыбы? Угощайтесь, мои милые, не стесняйтесь.

Восемь кошек, поглощавших рыбу каждая из своей миски, вняли его призыву, и только девятая, недавно принесшая котят, завершила трапезу и занялась приведением себя в порядок. Благодушно посмотрев на мистера Финна, она неторопливо вытянулась на бок, предоставив себя в полное распоряжение трех толстых котят.

– Небесная молочная кухня открылась, – торжественно объявил мистер Финн, делая гостеприимный жест рукой.

Сестра Кеттл вежливо хихикнула.

– Она знает свое дело, – заметила она. – Жаль, что не все женщины могут похвастаться такой заботой о своих детях, – продолжила она с профессиональным пафосом. – Умная кошечка!

– Ее зовут Томазина Твитчетт, – недовольно поправил мистер Финн. – Томазина – это производное от имени Томас, а Твитчетт, – он стянул с головы нелепую шапочку, – это дань

¹ В Викторианскую эпоху такие головные уборы мужчины надевали дома во время курения, чтобы волосы не пропахли дымом.

² Иниго Джонс (1573–1652) – английский архитектор, дизайнер и художник, стоявший у истоков британской архитектурной традиции.

Божественному горшечнику. Сыновей я нарек Птолемей и Алексис, а дочь, страдающую от чрезмерной привязанности к матери, – Эда.

– Эда? – недоверчиво переспросила сестра Кеттл.

– Из-за эдипова комплекса, разве не понятно? – пояснил мистер Финн и выжидающе на нее посмотрел.

Сестра Кеттл, зная, что каламбурами надлежит возмущаться, с негодованием воскликнула:

– Как вам не стыдно! В самом деле!

Мистер Финн хохотнул и переменял тему.

– Чей же недуг заставил вас вскочить в седло и помчаться на помощь? – поинтересовался он. – Чье тело так содрогается от нестерпимых болей?

– У меня есть пара вызовов, – ответила сестра Кеттл и бросила взгляд на лежавшую в конце долины усадьбу, – но сейчас мне предстоит провести ночь в большом особняке и постараться облегчить мучения старому хозяину.

– Ах да, – мягко и понимающе произнес мистер Финн. – Святые угодники! Могу я осведомиться, как сэр Гарольд?..

– Ему семьдесят пять лет, – лаконично ответила сестра Кеттл, – и он очень устал. Но с сердечниками бывает всякое, так что, может, все и обойдется.

– В самом деле?

– Ну конечно! Днем с ним находится сиделка, но на ночное дежурство никого найти не удалось, так что приходится выручать. Надо же кому-то помочь доктору Марку!

– А доктор Марк Лакландер сам пользуется своего деда?

– Да. Он созывал консилиум, но больше для собственного успокоения. Однако я сплетничаю, и мне ужасно стыдно!

– На меня вы можете положиться, я умею хранить тайны, – заверил ее мистер Финн.

– Да я и сама такая. Однако мне пора продолжить путь, а то я совсем заболталась.

Одной ногой сестра Кеттл крутанула педаль в обратную сторону, а вторую осторожно подтащила к велосипеду. Мистер Финн забрал насытившегося котенка от матери и, прижав к плохо выбритой щеке, спросил:

– Сэр Гарольд в сознании?

– Он то в забытьи, то приходит в себя. Но все равно немного не в себе. Господи, опять я сплетничаю! – поморщившись, заметила сестра Кеттл, но тут же встрепенулась: – Кстати, я видела, как полковник отправился на вечернюю рыбалку.

Лицо мистера Финна мгновенно преобразилось. Оно налилось кровью, глаза сверкнули, а зубы оскалились.

– Да будь он трижды проклят! Где он сейчас?

– Чуть пониже моста.

– Пусть только попробует забросить перед мостом, и я тут же сдам его властям! А на что он ловит? Поймал что-нибудь?

– С высоты холма мне было не видно, – ответила сестра Кеттл, уже жалея, что завела этот разговор.

Мистер Финн отпустил котенка.

– Мне крайне неприятно говорить столь ужасные вещи о ближнем, но у меня есть все основания подозревать полковника Картаретта в недостойном поведении.

Теперь покраснела сестра Кеттл.

– Не понимаю, о чем это вы, – сказала она.

– Ловить на хлеб, на червя, на что угодно! – воскликнул мистер Финн, разводя руками. – Не гнушаться ничем, даже ловлей руками!

– Уверена, что вы ошибаетесь.

– Не в моих привычках, мисс Кеттл, ошибаться, когда речь идет о необузданной страсти потерявших голову людей. Достаточно бросить взгляд на окружение полковника! Один капитан Сайс чего стоит!

– Боже милостивый, а бедный капитан-то чем провинился?

– Этот субъект, – побледнев, заявил мистер Финн и показал одной рукой на кошку с котятами, а другой – на долину, – этот флотский купидон, не знающий меры ни в пьянстве, ни в безудержной страсти к стрельбе из лука, лишил жизни мать Томазины Твитчетт!

– Не сомневаюсь, что это вышло случайно.

– Откуда такая уверенность?

Мистер Финн перегнулся через калитку и ухватился за руль велосипеда сестры Кеттл. Кисточка шапочки упала на лицо, и он досадливо смахнул ее в сторону. Голос приобрел интонации, с которыми обычно рассказывают любимые истории.

– Дождавшись вечерней прохлады, мадам Томс – ибо так ее звали – решила совершить променад по лугу внизу долины. Поскольку ей вскоре предстояло разрешиться от бремени, она представляла собой мишень внушительных размеров. А теперь вообразите себе Сайса на лужайке, оборудованной им в стрельбище, причем, вне всякого сомнения, уже разгоряченного вином и почитающего себя суперменом. В его руках – смертоносный лук с силой натяжения в шестьдесят фунтов, а в сердце бурлит жажда крови. Он пускает стрелу в воздух, – мистер Финн подошел к кульминации, – и если вы считаете, что он не знал, где она упадет, то я ни за что с вами не соглашусь. Я ничуть не сомневаюсь, что его мишенью была моя любимая кошечка. Томазина, кисуля, я рассказываю о твоей матушке.

Кошка, а вслед за ней и сестра Кеттл посмотрели на мистера Финна и моргнули.

«Надо признать, – подумала медсестра, – что у него и впрямь не все дома». Однако она обладала добрым сердцем, и оно невольно наполнилось чувством жалости. Ведь он живет один, а компанию ему составляют только кошки, так что удивляться тут нечему.

Она одарила его лучезарной профессиональной улыбкой и произнесла одну из своих привычных при прощании фраз:

– Что ж, мне пора. Ведите себя благоразумно, а если не получится, то хотя бы не забывайте об осмотрительности.

– Еще бы! – отозвался мистер Данберри-Финн, который никак не мог успокоиться. – Уж мне ли этого не знать! Всего вам доброго, сестра Кеттл.

2

В отличие от вдового мистера Финна капитан Сайс был холостяком. Он жил по соседству в унаследованном от дяди небольшом особняке, который для него одного все равно был слишком велик. По хозяйству ему помогали отставной морской старшина с супругой. Большая часть усадьбы была неухожена и поросла сорняками, и только огород содержался в порядке слугами, а за лугом, превращенным в стрельбище, капитан следил лично. Этот луг простирался до реки и, судя по всему, был единственным, что представляло для капитана ценность. На одном его краю стояла мишень, закрепленная на опоре, а на другом летними вечерами даже из Нанспардона можно было наблюдать капитана Сайса в классической позе лучника, спускающего тетиву мощного лука. Он слыл метким стрелком, и было замечено, что какой бы неуверенной ни была его походка до стрельбища, стоило ему занять позу лучника, расправить плечи и натянуть тетиву, как фигура превращалась в застывшую скалу. Он вел одинокую и бесцельную жизнь и наверняка бы вызывал у окружающих сочувствие, если бы только позволил им проявить его. Однако любые попытки сблизиться он немедленно пресекал и тут же удалялся. Хотя капитана Сайса никогда не видели в баре «Мальчишки и осла», он был одним из его самых уважаемых клиентов. Вот и сейчас сестра Кеттл, с трудом продвигаясь по его заросшему травой участку

дороги, встретила посыльного из бара, который увозил на багажнике велосипеда пустой ящик из-под бутылок.

«Вот и «мальчишка», который, боюсь, помог нанести визит к «ослу», – подумала сестра Кеттл и мысленно похвалила себя за проявленное остроумие.

У нее и самой была припасена бутылочка для капитана Сайса, правда, с лекарством, приготовленным аптекарем в Чайнинге. Подъехав к дому, она услышала шаги по гравии и увидела капитана, неторопливо направлявшегося с луком в руке и колчаном на поясе к стрельбищу. Нажав на педали, она устремила за ним.

– Эй! – окликнула она бодрым голосом. – Добрый вечер, капитан!

Вильнув, она остановилась и слезла с велосипеда.

Сайс обернулся и, чуть помедлив, направился к ней.

Оставаясь еще довольно привлекательным и загорелым мужчиной, он, к сожалению, уже переставал следить за собой. Когда он подошел и смущенно поднял на нее взгляд голубых глаз, сестра Кеттл уловила запах виски.

– Виноват, – быстро произнес он. – Добрый вечер. Прошу меня извинить.

– Доктор Марк попросил меня захватить и передать вам лекарство и рецепт. Вот они. Микстура такая же, что и прежде.

Он выхватил бутылочку из ее рук.

– Я вам очень признателен и еще раз прошу извинить за беспокойство. Право слово, это совсем не срочно.

– Уверяю вас, что никакого беспокойства это не доставило, – отозвалась сестра Кеттл, обратив внимание на его дрожавшие руки. – Вижу, вы собрались пострелять.

– О да. Да! – воскликнул он слишком громким голосом. – Спасибо вам, огромное спасибо!

– Я направляюсь в Хаммер-Фарм. Вы позволите пройти через ваш участок, чтобы сократить путь? Тут же есть тропинка, верно?

– Ну конечно! Пожалуйста! Позвольте мне.

Он сунул бутылочку в карман куртки, взял велосипед и пристроил лук на сиденье вдоль рамы.

– Мне так неудобно вас беспокоить, – с улыбкой отозвалась сестра Кеттл. – Давайте я понесу лук.

Капитан Сайс покатил велосипед в сторону дома. Сестра Кеттл, забрав лук, направилась за ним, продолжая разговаривать так, как обычно делала, чтобы успокоить излишне нервных пациентов. Они вышли на луг, откуда открывался на редкость живописный вид на долину и реку. В вечернем свете воды казались оловом, разлитым на бархате утопавших в зелени низин, кусты напоминали пухлые подушечки для булавок, а геральдическая цветовая гамма завершала сходство картины с цветной иллюстрацией старинного рыцарского романа. У Нижнего моста полковник Картаретт крутил спиннинг, а на холме площадки для гольфа Нанспардона старая леди Лакландер с сыном Джорджем совершали послеобеденный променад.

– Какой чудесный вечер! – не удержалась сестра Кеттл от восторженного восклицания. – И как близко все кажется! Скажите, капитан, – продолжила она, увидев, как он вздрогнул от такого обращения, – вы могли бы из своего лука попасть отсюда в леди Лакландер?

Сайс бросил взгляд на грузную фигуру по ту сторону долины, пробурчал что-то насчет лоскутка ткани с двухсот сорока ярдов и, прихрамывая, продолжил путь. Сестра Кеттл, обескураженная такой неучтивостью, решила, что его надо чем-то встряхнуть.

Капитан катил велосипед по неухоженной тропинке, задевая росшие по бокам кусты, и сестра Кеттл с трудом поспевала за ним.

– Мне говорили, – сказала она, – что однажды вы поразили мишень, в которую даже не целились. Вон там, внизу!

Сайс замер как вкопанный, и на шее у него выступила испарина.

«Да он настоящий пьяница! – подумала она. – И как опустился! Как не стыдно! А каким наверняка был видным мужчиной, когда следил за собой!»

– Проклятие! – воскликнул Сайс, ударяя кулаком по сиденью велосипеда. – Вы говорите о чертовой кошке!

– И что?

– Проклятие! Это был несчастный случай! Я говорил об этом старому безумцу! Несчастный случай! Я люблю кошек!

Он повернулся к ней: глаза были влажными, а губы дрожали.

– Я люблю кошек! – упрямо повторил он.

– Мы все совершаем ошибки, – примирительно произнесла сестра Кеттл.

Он протянул руку за луком и показал на маленькую калитку в конце тропинки.

– Вот там вход в Хаммер-Фарм, – сказал он и добавил, испытывая крайнее смущение: – Я прошу вас еще раз меня извинить. Сами видите, какой из меня никудышный компаньон. Спасибо, что завезли микстуру. Огромное спасибо!

Сестра Кеттл отдала ему лук и забрала велосипед.

– Доктор Марк, возможно, и молод, – сказала она простодушно, – но ни в чем не уступает любому врачу, с которым мне доводилось встречаться за тридцать лет медицинской практики. На вашем месте, капитан, я бы ему полностью доверилась и попросила привести себя в порядок. Доброго вам вечера.

Протиснув велосипед в калитку, она оказалась в ухоженной рощице на территории Хаммер-Фарм и направилась по тропинке, которая вилась в густой траве. Уже подходя к дому, она услышала за спиной пение тетивы и глухой стук стрелы, воткнувшейся в мишень.

«Бедняга! – подумала сестра Кеттл о капитане, испытывая жалость, смешанную с раздражением. – Как же вернуть его на путь истинный?» Испытывая чувство неловкости, она покатила велосипед в сторону розария Картареттов, откуда доносилось шелканье садовых ножниц и негромкое женское пение. «Это наверняка миссис Картаретт или ее падчерица. Приятная мелодия».

К пению присоединился мужской голос:

Пусть смерть скорей за мной придет,
Покой мне вечный принесет.

Слова, по мнению сестры Кеттл, были жутковатыми, но сама песня весьма милой. Розарий скрывался за густой живой изгородью, но тропинка, по которой она шла, вела именно туда, и, чтобы добраться до дома, другого пути не было. Резиновые подошвы туфель скрадывали шум шагов по плитке из песчаника, а велосипед беззвучно катился по траве рядом. У сестры Кеттл появилось странное ощущение, что она вот-вот вторгнется в нечто очень личное и деликатное. Когда она приблизилась к розарию вплотную, женский голос неожиданно перестал петь и произнес:

– Это моя самая любимая песня.

– Правда, странно, – спросил мужской голос, узнав который сестра Кеттл вздрогнула от неожиданности, – что для комедии написали такие грустные любовные песни? Ты согласна, Роуз? Роуз, милая...

Сестра Кеттл предусмотрительно тренькнула велосипедным звонком и вошла в розарий сквозь проем в живой изгороди. Посмотрев направо, она увидела мисс Роуз Картаретт и доктора Марка Лакландера, глядевших друг на друга с таким обожанием, что все было ясно без слов.

3

Мисс Каргаретт срезала розы и складывала их в корзину, которую держал доктор Лакландер. Густо покраснев, он воскликнул:

– Господи боже! Добрый вечер!

Мисс Каргаретт тоже смутилась и покрылась нежным румянцем.

– Здравствуйте, сестра. Добрый вечер!

– Добрый вечер, мисс Роуз, добрый вечер, доктор, – поздоровалась сестра Кеттл. – Надеюсь, вы не против, что я решила срезать дорожку и пройти через усадьбу. – Посмотрев на доктора, она вежливо объяснила свое появление: – Тут у девочки абсцесс...

– Ах да, верно! – кивнул доктор Лакландер. – Я недавно осмотрел ее. Речь о дочке вашего садовника, Роуз.

Они оба заговорили с сестрой Кеттл, которая благожелательно им внимала. По натуре сестра и сама была романтической особой и с удовольствием наблюдала за волнением на лице доктора Лакландера и смущенной робостью – на лице девушки.

– Сестра Кеттл, – торопливо объяснил доктор, – настоящий ангел и согласилась подежурить сегодня ночью у постели деда. Даже не знаю, что бы мы без нее делали.

– И по этой самой причине, – подхватила сестра Кеттл, – лучше мне поторопиться, а то, боюсь, могу опоздать на дежурство.

Те улыбнулись и кивнули. Сестра расправила плечи, бросила шутливый взгляд на свой велосипед и продолжила путь через розарий.

«Если они не влюблены, – думала она, – то кого тогда можно назвать влюбленным? Надо же! А я-то и понятия не имела!»

Получив заряд бодрости, как после чашки хорошего крепкого чая, она направилась к домику садовника – своей последней остановке на пути в Нанспардон.

Проводив взглядом фигуру в форменном платье медсестры до выхода из розария, Роуз Каргаретт и Марк Лакландер переглянулись и нервно рассмеялись.

– Сестра Кеттл – потрясающе хорошая женщина, но в данный момент ее присутствие было явно лишним, – заметил Лакландер. – Наверное, мне лучше уйти.

– А разве ты не хочешь дожидаться моего папы?

– Хочу, конечно, но время поджимает. Понятно, что я вряд ли чем смогу помочь деду, но меня там ждут.

– Я обязательно все передам папе, как только он вернется. И он сразу отправится к вам.

– Мы были бы очень признательны. Дедушке это крайне важно. – Марк Лакландер посмотрел на Роуз поверх корзины цветов и неуверенно начал: – Роуз, милая...

– Не надо! – остановила она. – Пожалуйста, не надо!

– Нет? Ты против? Но почему?

Та неуверенно взмахнула рукой, хотела что-то сказать, но промолчала.

– Что ж, – не унимался Лакландер, – я хочу, чтобы ты знала о моем намерении просить твоей руки. Я очень тебя люблю и полагаю, что мы составим чудесную пару. Неужели я заблуждался?

– Нет, – ответила Роуз.

– И я это знаю! Мы созданы друг для друга! Ради всего святого, скажи, что тебя смущает? Только не говори, что любишь меня как брата – я в это ни за что не поверю!

– Я этого и не говорю.

– Тогда в чем же дело?

– Я не могу обручиться с тобой, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж.

– Так я и думал! – воскликнул Лакландер. – И теперь это услышал! Господи боже, еще эта корзина с цветами! Пожалуйста, давай присядем на эту скамейку и поговорим – я не уйду, пока не выясню, в чем дело.

Она прошла за ним, и они устроились на скамейке, поставив у ног корзину с розами. Он взял ее за руку и снял садовую перчатку.

– Скажи мне честно, – требовательно спросил доктор, – ты меня любишь?

– Не нужно на меня кричать. Да, люблю.

– Роуз, милая, я просто очень боялся услышать «нет»!

– Пожалуйста, выслушай меня, Марк. Я знаю, что ты не согласишься ни с одним моим словом, но я прошу тебя выслушать.

– Хорошо. Я знаю, что ты собираешься сказать, но... пусть будет по-твоему.

– Ты сам видишь, как у нас все устроено. Я имею в виду – дома. Ты наверняка видел, как для папы важно, чтобы я все время была под рукой.

– Ты так забавно выразилась... Будто речь о маленькой девочке, которая постоянно должна находиться в поле зрения. Ладно, твоему папе нравится, чтобы ты была постоянно рядом. Но разве брак этому помеха? После свадьбы мы, наверное, половину времени будем проводить в Нанспардоне.

– Все гораздо сложнее. – Роуз замолчала и, отодвинувшись от доктора, сложила руки на коленях. На ней было длинное домашнее платье, волосы зачесаны назад и собраны в пучок на затылке, но одна непослушная прядь все-таки выбилась и падала на лоб. Девушка почти не пользовалась косметикой, но при ее красоте это было и не нужно. – Все дело в том, что второй папин брак оказался неудачным, – пояснила она. – Если я его сейчас оставлю, то жизнь потеряет для него всякий смысл. Я серьезно.

– Глупости! – неуверенно возразил Марк.

– Он никогда не мог без меня обойтись. Даже когда я была маленькой, он всюду таскал меня за собой вместе с няней и гувернанткой. Во все поездки и даже за границу. И после войны, когда выполнял особые поручения то в Вене, то в Риме, то в Париже. Я даже в школу никогда не ходила, потому что сама мысль, что я где-то в другом месте, была для него невыносимой.

– Но это неправильно! Ведь это так обедняло твою собственную жизнь!

– Нет-нет, как раз наоборот, честно! Моя жизнь была очень интересной! Я видела, слышала и узнала намного больше самых разных чудесных вещей, чем другие девочки.

– И все-таки...

– Нет, это было потрясающе!

– Тебе следовало предоставить больше самостоятельности и возможности принимать решения самой.

– Но дело вовсе не в запретах! Мне позволялось делать почти все, что только заблагорассудится. А когда мне предоставили самостоятельность – посмотри, что из этого вышло. Папу направили с миссией в Сингапур, а я осталась в Гренобле и поступила в университет. Его все никак не отпускали обратно... а потом я узнала, что он там не знал, чем себя занять... и в конце концов встретил Китти.

Лакландер помассировал ухоженной докторской рукой подбородок и, прикрыв рот, хмыкнул.

– Вот тогда, – продолжила Роуз, – и получилось все так нескладно, а сейчас день ото дня становится все хуже и хуже. А если бы я была там, то ничего подобного бы не произошло.

– Почему? Он бы наверняка с ней все равно познакомился. Но даже если и нет, моя обожаемая Роуз не должна считать, что может изменить волю провидения.

– Если бы я была там...

– Послушай, а тебе не приходило в голову, что если ты переедешь в Нанспардон в качестве моей жены, то отношения между твоим отцом и мачехой могут наладиться?

– Нет, Марк, – заверила Роуз, – такого просто не может быть!

– Откуда ты знаешь? Послушай, мы любим друг друга. Я люблю тебя так сильно, что сам не понимаю, как еще жив. Я уверен, что никогда не встречу другой женщины, с которой был бы так счастлив, и, как бы самонадеянно это ни звучало, я верю, что ты чувствуешь то же самое. Я не отступлюсь, Роуз. Ты выйдешь за меня замуж, и если жизнь твоего отца нуждается в переменах к лучшему, мы найдем способ этого добиться. Например, он может расстаться с женой и жить с нами.

– Никогда! Как ты не понимаешь? Он этого просто не вынесет! И постоянно будет чувствовать себя чужим.

– Я поговорю с ним. И скажу, что прошу твоей руки.

– Нет, Марк, милый! Пожалуйста, не надо...

Он сжал ее руки, но тут же вскочил и поднял корзину с цветами.

– Добрый вечер, миссис Картаретт, – произнес он. – Мы тут опустошаем ваш сад, чтобы порадовать бабушку. У вас розы цветут намного раньше наших.

Появившаяся на аллее Китти Картаретт задумчиво их разглядывала.

4

Второй супруге полковника Картаретта совершенно не шло легкомысленное имя Китти. Без косметики кожа на ее лице была такой бледной, будто ее специально обесцветили. У миссис Картаретт была стройная фигура, а умело наложенный макияж делал лицо похожим на холеную и красивую маску. Но главным ее достоинством была аура загадочности и таинственности, превращавшая ее в «роковую женщину», таившую угрозу для всех окружающих. Китти была тщательно одета и в перчатках, что объяснялось, видимо, приходом в сад.

– Очень рада вас видеть, Марк, – сказала она. – Мне показалось, что я слышала ваши голоса. Вы зашли к нам по делам?

– Отчасти, – ответил доктор. – Мне нужно было передать просьбу полковнику Картаретту и осмотреть дочку вашего садовника.

– Очень мило с вашей стороны, – заметила Китти, переводя взгляд на падчерицу. Потом она подошла к корзине и, взяв темную розу, поднесла ее к губам. – Какой сильный аромат! Даже слишком! Мориса сейчас нет дома, но он скоро вернется. Может, лучше пройти к дому?

Она пошла первой, оставляя за собой легкий экзотический аромат, непохожий на розы. При ходьбе она держала спину очень прямо и только слегка покачивала бедрами.

«Очень дорогая игрушка, но не больше, – подумал Марк Лакландер. – Чего ради он женился на ней?»

Под стук каблучков миссис Картаретт по плиткам, выложенным на тропинке, они подошли к плетеным креслам с подушками. На белом металлическом столике стоял поднос с хрустальным графином и бокалами для виски. Опустившись в кресло-качалку, Китти поставила ноги на подставку и грациозно повернулась к Марку:

– Как хорошо, что у нашей Роуз такие подходящие перчатки и можно не обращать внимания на шипы. Ты не переложил розы для Марка? Думаю, что лучше в коробку.

– Не стоит беспокоиться, – заверил Марк. – Я возьму их так.

– Мы не можем допустить, чтобы врачи царапали свои драгоценные руки, – проворковала миссис Картаретт.

Роуз забрала у него корзину и пошла в дом. Марк проводил ее взглядом и обернулся, услышав обращение к себе.

– Может, выпьем немного? – предложила миссис Картаретт. – Это любимый коньяк Мориса, и он считает, что лучше его не бывает. Налейте мне буквально капельку, а себе не

стесняясь. Лично я предпочитаю мятный ликер, но Морис и Роуз полагают это дурным вкусом, так что мне приходится умерять свои плотские наклонности.

Марк налил ей коньяка.

– С вашего разрешения, я воздержусь, – сказал он. – Мой рабочий день еще не закончился.

– В самом деле? И кому же понадобилась ваша помощь, кроме дочки садовника?

– Моему деду, – ответил Марк.

– Какой стыд, что я сама не сообразила! – отреагировала она, ничуть не смутившись. – Как себя чувствует сэр Гарольд?

– Боюсь, что сегодня вечером неважно. К сожалению, мне пора. Я пойду по тропинке к реке и, возможно, встречу полковника.

– Полагаю, что наверняка встретите, – равнодушно согласилась она, – если, конечно, он не попытается выловить эту пресловутую рыбу на участке мистера Финна. Разумеется, он никогда такого себе не позволит, что бы ни утверждал наш пожилой сосед.

– Тогда я, пожалуй, пойду и надеюсь, что встречу его, – раскланялся Марк.

Китти махнула розой, отпуская его, и протянула на прощание левую руку, что Марк расценил как проявление невоспитанности. Он сухо пожал ее тоже левой рукой.

– Вы не передадите от меня весточку моему отцу? – спросила она. – Я понимаю, как он волнуется из-за здоровья вашего дедушки. Пожалуйста, передайте ему, что я тоже очень переживаю.

Рука в перчатке на мгновение сжала ему руку и тут же была убрана.

– Так не забудьте же! – добавила Китти.

Роуз вернулась с коробкой, в которую упаковала розы.

«Не могу же я просто уйти, так ни до чего и не договорившись», – подумал Марк и учтиво предложил:

– Вы не составите мне компанию до речки? Я рассчитываю увидеться с вашим отцом, а вам полезно ходить.

– Я и так постоянно на ногах. К тому же я не одета для прогулки к реке по тропинке.

– Бедняжка Марк, – рассмеялась миссис Картаретт. – Да вот, Роуз, кстати, и твой отец собственной персоной.

Из рощицы, расположенной на полпути к реке, показался полковник Картаретт, пробиравшийся вверх по заросшему травой склону лужайки. За ним семенил его неизменный спутник – спаниель Скип. Постепенно вечерний свет окрасил пейзаж в серые тона, а потускневшие трава, деревья, поляны и цветы наряду с темной полоской воды предвещали скорое наступление ночи. На этом фоне фигура полковника Картаретта казалась неким посланцем из далекого прошлого, которому удалось материализоваться в сумеречной долине реки.

Заметив их, полковник приветственно поднял руку, и Марк направился ему навстречу. Роуз, чувствуя повышенный интерес мачехи к происходящему, следила за доктором с растущей тревогой.

Полковник Картаретт являлся уроженцем Суивнингса. Будучи выходцем из сельской местности, он никогда не терял связи с землей, хотя его страстью стало искусство, а успешную карьеру он сделал на дипломатическом поприще за пределами страны. Однако этот довольно необычный набор качеств никак не проявлялся чисто внешне, хотя отчасти и выдавал себя при первых же словах.

– Добрый вечер, Марк! – поздоровался он, едва они оказались в пределах слышимости. – Ты не поверишь, но я едва не вытащил Старушку! Однако, черт возьми, она сорвалась.

– Да вы что! – отозвался Марк с подобающим случаю энтузиазмом.

– Точно! Старушка пряталась в своем обычном убежище под мостом, я даже видел ее...

Продолжая подниматься по лужайке, полковник рассказал классическую историю, как форель схватила наживку и как после титанической борьбы оборвалась леска. Старушка была настоящей знаменитостью Суивнинга – ее размеры и потрясающая хитрость делали ее самой желанной добычей всех местных рыбаков.

– ...так она и ушла, – закончил полковник рассказ, широко открывая глаза и выжидающе улыбаясь Марку, рассчитывая на его сочувствие. – Ну и рыбина! Клянусь всеми святыми, если бы мне удалось ее вытащить, старина Финн меня бы точно прикончил.

– Вы так и не помирились, сэр?

– Боюсь, что нет. С ним невозможно разговаривать! Господи боже! Он обвиняет меня в том, что я ловлю на его участке! Безумие какое-то! Как ваш дед?

– Боюсь, что ему становится только хуже, и мы ничем не можем ему помочь. Поэтому-то я и здесь. – И он передал просьбу своего деда.

– Я отправлюсь немедленно. И приеду на машине. Дай мне пару минут привести себя в порядок. Может, поедем вместе?

Однако Марк вдруг понял, что сейчас не в силах снова встречаться с Роуз, и сказал, что лучше сразу пойдет по тропинке и подготовит деда к приходу полковника.

Он еще задержался и, обернувшись, наблюдал, как Роуз, подобрав длинный подол юбки, побежала навстречу отцу и как тот, положив на землю спиннинг и корзину, стянул с головы шляпу и ждал ее, поблескивая лысиной в сумеречном свете. Она обняла отца за шею и поцеловала, а потом они, взявшись за руки, вместе пошли к дому. Миссис Картаретт качалась в гамаке.

Марк резко повернулся и быстро зашагал к Нижнему мосту.

Форель, сумевшая отвоевать у полковника блесну, мирно плескалась под мостом.

Глава 2

Нанспардон

1

Сэр Гарольд Лакландер наблюдал за передвижениями сестры Кеттл по комнате. Марк дал ему какое-то лекарство, и теперь, когда ужасные боли отступили, старик, похоже, даже получал удовольствие от того внимания, которое принято уделять тяжелобольным. По сравнению с дневной сиделкой сестра Кеттл, бесспорно, ему нравилась больше. Как-никак она была уроженкой соседнего Чайнинга, а это грело ему душу не меньше, чем стоявшие на столе цветы из оранжереи Нанспардона.

Сэр Гарольд знал, что умирает. Внук не говорил об этом, но он прочитал диагноз по его лицу и тому, как изменилось поведение жены и сына. Семь лет назад старик пришел в ярость, узнав, что Марк – настоящий Лакландер и единственный внук – решил посвятить себя медицине. Тогда он сделал все, чтобы не допустить этого, но сейчас был искренне рад, что над ним склонялось лицо родного человека, а ощупывавшие его руки доктора принадлежали Лакландеру.

Однако насладиться значительностью, которую приближающаяся смерть невольно придает в глазах других людей, ему не позволяло чувство вины – самой мучительной из всех возможных болей.

– Пришла, – с трудом выговорил сэр Гарольд. Он старался обходиться как можно меньшим количеством слов, будто растягивая остатки отведенных ему в жизни сил.

Сестра Кеттл, расположившись так, чтобы ему было удобно ее видеть, сказала:

– Доктор Марк сообщил, что полковник придет с минуты на минуту. Он ходил на рыбалку.

– Удачно?

– Я не знаю. Он сам расскажет.

– Старушка.

– Само собой, – охотно подтвердила сестра Кеттл. – Она крепкий орешек!

С кровати послышалось подобие хмыканья, за которым последовал тяжелый вздох. Сестра внимательно посмотрела на лицо умирающего, еще больше осунувшееся за последний день.

– Все в порядке? – поинтересовалась она.

Тусклые глаза поймали ее взгляд.

– Бумаги?

– Я нашла их там, где вы сказали, и положила на стол.

– Сюда, – попросил голос с кровати.

– Как скажете. – Она прошла в дальний конец просторной спальни и вернулась с запечатанным и перевязанным тесьмой пакетом, который положила на прикроватную тумбочку.

– Мемуары, – прошептал старик.

– Трудно представить, – заметила сестра Кеттл, – сколько в них вложено труда. Наверное, писать книгу ужасно интересно! А сейчас вам надо немного отдохнуть.

Она наклонилась и, заглянув ему в лицо, встретилась с тревожным взглядом. Сестра ободряюще кивнула, улыбнулась и устроилась неподалеку с иллюстрированной газетой. Какое-то время в спальне царила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и шуршанием перелистываемой страницы.

Открылась дверь, сестра Кеттл поднялась и, убрав руки за спину, встретила Марка Лакландера, за которым следовал полковник Картаретт.

– Все в порядке, сестра? – тихо спросил Марк.

– Более-менее, – так же тихо ответила она. – Беспокоится. Хорошо, что пришел полковник.

– Сначала мне надо его осмотреть.

Он подошел к кровати и взял руку деда, не спускавшего с него тревожного взгляда.

– Вот полковник Картаретт, дедушка. Ты готов с ним поговорить?

– Да. Прямо сейчас.

– Хорошо. – Пока Марк проверял пульс, полковник расправил плечи и подошел ближе.

– Рад вас видеть, Картаретт, – неожиданно звонко произнес сэр Гарольд, чем немало изумил сестру Кеттл. – Спасибо, что пришли.

– Здравствуйтесь, сэр, – ответил полковник, бывший на двадцать пять лет моложе старого аристократа. – Жаль, что вы болеете. Марк сообщил, что вы хотели меня видеть.

– Да. – Он указал взглядом на тумбочку: – Вот бумаги. Возьмите их. Прямо сейчас.

– Это мемуары, – пояснил Марк.

– Вы хотите, чтобы я их прочитал? – поинтересовался Картаретт, подходя ближе.

– Если вас не затруднит.

В наступившем молчании Марк передал пакет полковнику Картаретту. В глазах сэра Гарольда, наблюдавшего за сценой, промелькнула искра интереса.

– Мне кажется, – произнес Марк, – дедушка надеется, что вы сможете подготовить мемуары к печати.

– Я... ну, конечно! – согласился полковник после секундного замешательства. – Для меня большая честь, что вы доверяете моему суждению.

– Доверяю, – подтвердил старик и добавил: – Причем полностью! И еще одно. Марк, если ты не против...

– Разумеется, дедушка. Сестра, вы не могли бы выйти со мной на минутку?

Сестра Кеттл вышла с Марком из комнаты, и они отошли к широкой лестнице, погруженной в полумрак.

– Похоже, развязка уже близко, – заметил Марк.

– Но как замечательно он держится в присутствии полковника!

– Только за счет напряжения всех сил, – ответил Марк. – Думаю, что он делает последнее усилие, прежде чем уйти из жизни.

– Просто удивительно, как люди держатся за жизнь, а потом вдруг отступают, – согласилась сестра Кеттл.

Внизу открылась дверь, и свет с улицы упал на лестницу. Марк перегнулся через перила и увидел в дверном проеме грузную фигуру бабушки. Она ухватила за перила и начала тяжело подниматься по ступенькам. В тишине было слышно, как она задыхается.

– Спешка никому не идет на пользу, – произнес он, обращаясь к старой леди.

Та остановилась и подняла голову.

– Господи! – воскликнула она. – Неужели я слышу доктора?

Уловив иронию в ее голосе, Марк улыбнулся.

Наконец она добралась до площадки наверху. На необъятной груди бархатного вечернего платья со шлейфом красовались небрежно приколотые бриллиантовые украшения, которые вспыхивали и переливались искрами при каждом вдохе и выдохе.

– Добрый вечер, мисс Кеттл, – поздоровалась леди Лакландер, с трудом переводя дыхание. – Спасибо, что пришли помочь моему старику. Как он, Марк? Морис Картаретт пришел? Что это вы здесь топчетесь вдвоем?

– Полковник здесь. Дедушка хотел поговорить с ним наедине, поэтому мы с сестрой и оставили их.

– Ох уж эти проклятые мемуары! – не скрывая досады, воскликнула леди Лакландер. – Тогда, наверное, мне лучше не заходить.

– Вряд ли встреча продлится долго.

На площадке стояло большое кресло времен Якова I, и Марк подвинул его, предлагая бабушке сесть. Та опустила и, сбросив старые шлепанцы с удивительно маленьких ножек, критически их оглядела.

– Твой отец, – сказала она, обращаясь к Марку, – прилег вздремнуть в гостиной, успев сообщить, что хотел бы поговорить с Морисом. – Она грузно повернулась к сестре Кеттл: – А вы, добрая душа, пока вы не заступили на дежурство, не окажете мне услугу, чтобы побережь мои распухшие ноги? Вы не спуститесь вниз, чтобы растолкать моего летаргического сынка? Скажите ему, что полковник здесь, и пусть вас покормят. Что скажете?

– Конечно, леди Лакландер, – сказала сестра Кеттл.

«Наверняка хотела меня отослать, но сделала это тактично», – подумала она, спускаясь по лестнице.

– Славная женщина, эта сестра Кеттл, – заметила леди Лакландер. – Понимает, что я хотела ее просто отослать. Марк, что на самом деле так тревожит твоего деда?

– А его что-то тревожит?

– Не увливай! Он места себе не находит... – Она замолчала, глядя, как судорожно подергиваются ее унизанные перстнями руки. – У него беспокойно на душе, – продолжила она, – и во второй раз за время нашего брака я не могу понять, в чем дело. Это как-то связано с Морисом и мемуарами?

– Судя по всему, похоже, что да. Он хочет, чтобы полковник подготовил их к печати.

– А первый раз, – пробормотала леди Лакландер, – это случилось двадцать лет назад, и тогда я себе места не находила. И теперь, когда настало время нам расстаться... а оно настало, так ведь?

– Да, дорогая, похоже, что так. Он очень устал.

– Я знаю. А про себя я такого сказать не могу. Мне стукнуло семьдесят пять лет, я безобразно располнела, но вкус к жизни не потеряла. И все же есть вещи, – продолжала она изменившимся тоном, – которые нельзя пускать на самотек. Нельзя, к примеру, оставлять без присмотра твоего отца.

– И чем же мой бедный папа заслужил столь пристальное внимание? – вежливо справился Марк.

– Твоему бедному папе исполнилось пятьдесят, он – вдовец и вдобавок Лакландер! Очень опасное сочетание!

– Которое не под силу исправить даже тебе.

– Можно, если... Морис! Что случилось?

Дверь в спальню распахнулась, и в дверях стоял полковник Картаретт с бумагами под мышкой.

– Идите сюда, Марк! Скорее!

Марк бросился в спальню, а за ним устремилась леди Лакландер, вскочившая с кресла с неожиданным проворством. Однако полковник Картаретт преградил ей путь.

– Дорогая, – сказал он, – пожалуйста, подождите.

Из холла внизу донесся настойчивый звон вызова. По лестнице уже торопливо спешили наверх сестра Кеттл и высокий мужчина в вечернем костюме.

Полковник Картаретт молча ждал, когда они поднимутся.

Леди Лакландер уже была у кровати мужа. Марк правой рукой придерживал его за спину, а левой продолжал нажимать на кнопку звонка, лежавшего на кровати. Сэр Гарольд, всхлипы-

вая, хватал воздух открытым ртом, а нога под одеялом судорожно сгибалась и разгибалась. Леди Лакландер склонилась над ним и взяла его за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.